

ДОРОГИ ПАМЯТИ ВОЕННОЙ

Павел ГОЛОТИН родился в 1956 году в Ульяновске, в Подгорье. Окончил школу №1 и Ульяновский политехнический институт (1978). Инженер-строитель. Пишет прозу. Живет в Ульяновске.

СТАРАЯ ЖЕЛЕЗЯКА

Когда наступление пошло через Белоруссию, в освобожденных селах пехотинцы передовых частей стали находить колодцы с трупами маленьких детей. После этого наступление покатило на Запад с особой яростью – брать фашистов в плен без особого на то приказа перестали...

Из фронтовых воспоминаний моих родителей

Рассказ

Я из железа... еще из того.

Мне 70 лет – это много, даже для железной кровати. Мои украшения поблекли, местами облупились, и даже там, где хозяин меня подкрашивал на свой вкус, я не выгляжу новее. Вон он идет, мой хозяин. Мы с ним ровесники, точнее, я немного старше – меня купили, когда он ещё не родился. Он родился на мне.

Теперь я живу на даче. Летом меня выносят в сад, где хозяин отдыхает в тени большой, раскидистой яблони. Его внук, Ванька, сделал для деда навес, и, если нет сильного дождя, хозяин спит тут днем. Но чаще он просто лежит и думает. Я знаю, о чем...

Я родился в августе, в Ильин день, поэтому моя старая бабка и назвала меня Ильей. Потом, потихоньку от родителей, она меня ещё и покрестила в соседнем селе. Только ведь в деревне шила в мешке не утаишь, но ничего – обошлось.

Мой отец погиб в первые же месяцы войны, а мать и младшую сестренку расстреляли немцы, когда летом 43-го отступали, уничтожая всё и всех на своем пути. Я спасся чудом, и спасла меня вот эта вот кровать. И ещё соседский кот. Кот, пожалуй, даже больше.

...Когда всех жителей деревни согнали на небольшую площадь недалеко от нашего дома, этот кот увязался за мной – мы с ним дружили. Я сначала отгонял его, однако кот не уходил, и я взял его на руки. Но одна немецкая овчарка заметила кота.

Она с лаем рванулась на нас, кот стремглав полетел прочь, а я машинально побежал за ним. Один из немцев дал очередь поверх моей головы, я оглянулся и увидел, что он спустил собаку. А дальше – как в кино: кот влетел в нашу избу, я – за ним, собака и немец – за нами. Кот сиганул в открытое окно, а я – под кровать. Собака прыгнула в окно вслед за котом. Подотставший немец, видимо, подумал, что я тоже выпрыгнул в окно, и искать в избе не стал.

Так я и лежал под этой кроватью, когда на площади зазвучали автоматные очереди и закричали люди. Лежал, когда затрещала на крыше подожженная немцами солома, когда вдруг разразилась страшная гроза и хлынул ливень, который все потушил. Немцы очень спешили, потому что громыхал не только гром, но и советская оружейная канонада – они не стали все поджигать заново и уехали. Так я родился второй раз, с помощью той же кровати, в тот же Ильин день – спасибо старой бабке.

Гроза давно закончилась. Пахло гарью, и было очень тихо. Долго я так со страху лежал – пока кот не вернулся. Тогда я выбрался из-под своей спасительницы и вышел на крыльцо. За свою жизнь я видел мало покойников – и наши, и немцы, когда война катилась на восток, проскочили нашу маленькую деревню без боев. Покойников я видел, только когда вокруг были взрослые люди. Живые люди. Поэтому я не пошел на площадь – я пошел искать, может кто ещё уцелел. Через дом от нас жил мой друган Пашка со старой бабкой Верой. Я зашел в их избу. В избе было тихо и пахло щами.

«Баба Вера», – позвал я негромко. Никого. Я позвал громче, и мне показалось, что где-то что-то едва слышно шевельнулось.

«Пашка, баба Вера!» – ещё раз громко крикнул я.

«Илюха, ты?» – раздалось из подпола.

«Пашка, ты?! – чуть не плача, крикнул я. – Вылаз, немцы смотались!».

Живых мы никого не нашли – кроме нас с Пашкой остался только этот кот. Он ходил везде с нами, терся мне об ноги и все норовил подsunуть свой холодный нос под ладонь, чтобы ему чесали за ушами и под мордой. Кот был деревенский и поэтому никакой другой благодарности за мое спасение не ждал – ещё и песни пел. Оказалось, что в деревне больше никого не осталось – ни людей, ни скотины, ни собак, ни курей. Никого.

Уже стемнело, и мы решили, что на площадь пойдем завтра с утра – в начале августа светает рано. У Пашки мы поели бабкиных щей вперемешку со слезами, а спать пошли к нам... ко мне. Забрались на полутораспальную «спасительницу», обнялись, как два кутенка, и уснули.

Чуть свет нас разбудил рев моторов. Я подбежал к окну – на полном ходу к площади летел танк. Наши! Перед площадью танк вдруг встал как вкопанный. Через огороды к площади подскочило ещё три, и все стихло. Минут пять ничего не происходило. Стало почти светло. На башне первого танка, наконец, откинулся люк, и оттуда выглянул человек в шлеме.

«Точно, наши!» – закричал я и кинулся через крыльцо на улицу.

Человек на башне вскинул автомат, но вовремя остановился.

«Наши!» – кричал я, несясь к танку, но споткнулся обо что-то и растянулся на земле. Так я и лежал среди мертвых тел, когда из всех танков начали выпрыгивать люди и молча сходить к площади, усеянной телами стариков, женщин и детей. Кто-то подошел ко мне, поднял на руки, и дальше я ничего не помню.

Из-за ливня почти все дома в деревне уцелели, что было большой редкостью после боев, как сказал командир, которого танкисты называли «товарищ капитан». За четыре дня, что пробыли в деревне танкисты, мы с Пашкой излазили все танки, а капитан даже дал нам по два раз стрельнуть из своего пистолета по тылке. Я стрелял будто в того, бежавшего за мной жирного немца и один раз попал, а Пашка оба раза промазал. После немцев хлеб на поле сгорел не весь, и танкисты помогли нам залазть крышу на нашей хате скошенной пшеницей, прямо с зерном – некогда было обмолачивать.

...Но сначала хоронили. Капитан приказал выкопать могилы для каждого. 27 могил. Капитан сам тоже копал. И мы с Пашкой тоже. А потом мы ходили между мертвых тел и говорили, как кого зовут... звали. Мы не плакали. Даже над моей мамкой и сестрой не плакали, даже над бабкой Верой. Слез не было – была злость. И когда хоронили, и когда капитан говорил перед строем речь – не плакали. Над могилами наших сельчан он сказал, что эти люди не дожили до нашей победы здесь, в этом месте, всего один день, и поклялся гнать врага до самого его логова как можно быстрее. И мы с Пашкой тоже поклялись, что сделаем все, чтоб ни одна гнида никогда больше не пришла на нашу землю.

Танкисты потом ходили по деревне очень тихие. За два года эти люди привыкли к смерти, но такого они, наверное, ещё не видели. И когда они заходили в дома, где в печках ещё прели горшки с кашей и щами, а под образами в избах ещё горели лампы, я сам видел, как многие, особенно кто постарше, крестились на эти образа. И спали потом не в избах, не на постелях тех, кого они только что похоронили, а под навесами и в сараях, словно это была не деревня, а один сплошной погост.

Танкисты оставили нам еды, сколько могли, и пошли дальше, выполнять клятву капитана. Свою клятву. По их, серым от злости, лицам было видно, что просто так наша деревня этим немцам не сойдет. Это уж потом нам сказали, что то были фашисты, а тогда все они для нас были немцы... А мы остались – надо было убирать созревший хлеб, чтобы было чем сеять весной. Вокруг ещё шли бои и летали самолеты, но нужно было строить новую жизнь. Нам было по 10 лет – война сделала нас взрослыми.

Перед уходом танкистов к нам прибежал солдат и отдал бумагу от капитана. В бумаге было написано, как и что тут произошло – мы смогли это прочитать, потому что до войны целый год ходили в школу, в соседнее село. А сестренка вот не успела – мала ещё была... Бумагу нужно было отдать военным, которые придут вслед за танкистами. И когда пришли эти другие военные и начали нас спрашивать, как это мы одни из всей деревни уцелели, мы показали им эту бумагу. Эти военные очень спешили. Они быстро обошли все дома и поехали даль-

Но больше никто никогда не задавал нам никаких вопросов. Хороший был мужик капитан, «стрелковый», видать.

После этих суетливых военных в домах пропадало много икон, про вещи я не знаю. А мы с Пашей сначала не хотели ничего брать. Но потом все же решили запастись на зиму – понатащали чего надо и не надо, мы ж не воровали – не у кого теперь было. А чего добру пропадать? Все равно потом кто-нибудь придет и заберет.

Зимой на нашей крыше из-за пшеницы завелось полно мышей! Зато всю зиму все мы были с мясом, особенно кот. А что?! Только возни много. Этот мой спаситель, вообще, ужас как раздобыл. Когда к зиме ближе в нашу уцелевшую деревню начали приходить люди с окрестных разоренных мест, все диву давались на нашего кота – всех своих-то с голодухи поели, так что, почитай, один кот на всю округу и остался. Когда потом, уже весной, к нам приехал новый секретарь райкома и увидел нашего кота, то назвал его «символом возрождения новой жизни!». Коту потом почет в деревне был, как самому секретарю, – на весь район знаменитый был кот. Я на всякий случай тоже назвал его Ильей – раньше-то без имени бегал – так, «кис-кис». И, что интересно, появившиеся потом в деревне собаки его не трогали. Даже две «трофейные» немецкие овчарки, прибившиеся зимой к людям. Этих овчарок потом расплодилось! И все они верой и правдой служили новым хозяевам – вот ведь как оно в жизни бывает...

Время шло – «жить стало лучше, жить стало веселее». Мой хозяин женился. Новая хозяйка принарядила меня, и я, вместе со всей страной, своим железным голосом из всех своих кроватных пружин пела жизнеутверждающие песни, стараясь для молодых. Но горе и радость в этой жизни всегда идут рука об руку. Я, конечно, не виновата, но именно на мне одна жизнь разменялась на другую. Жалко хозяйку, хорошая была и молодая ещё совсем. Но время, как известно, все лечит.

Шли годы, и гомон голосов в избе стал убавляться – становилось все тише и тише, пока не остались в ней одни мои ночные разговоры с хозяином.

Но как-то раз меня вдруг закутали во что-то и повезли куда-то. Новое место было светлое и просторное. Только я, по деревенской своей простоте, сразу поцарапала там очень уж блестящий пол – ну, не привычная я со своими железными ногами к такой-то красоте.

Молодая невестка сразу невзлюбила меня за это. А уж мои ночные разговоры-скрипы с хозяином совсем, видно, изводили ее. И пока мой хозяин с внучком Ванюшкой все лето были на даче, меня решено было «эвакуировать». Далась хозяину эта дача! Сколько я ему говорила: «Чем деревня не дача?! И я бы на старом месте как у Христа за пазухой, без «паркетов» этих».

Но нет – слаб, видно, голос хозяина стал. Цельное лето простояла я под ветром, солнцем и дождем – у какого-то сарая, никому, видать, не нужная уже.

Фото Алёны Полуянович

Но вот раз вдруг слышу:

– Да эта кровать мне жизнь спасла! Мать твою на ней померла, тебя рожая! Ну, давайте, и меня вместе с этой кроватью на свалку! – так, вместе, и несите! (Это, значит, хозяин мой приехал.)

– Да что вы все, с ума посходили, что ли?! Дядя Паш, ну ты-то куда?! (Это уже невестка.)

Подходит, значит, хозяин, стелет какой-то лоскуток, ложится и укрывается сверху своим плащом. Следом идет сосед по дому, друг детства, Паша:

– Подвинься-ка, – и ложится рядом. – Вот ведь, как в войну, помнишь? Только воевать теперь с бабами приходится. Эх, жизнь... только на это силы-то и остались, – сквозь кашель смеется друг детства. – Ванька, и ты сюда!? Ну, ложись между нами – теплее будет.

Ванька – верный человек, не предатель – лежит между двух старых друзей, сопит. Потом говорит:

– Дед, пойдем, простудишься. Отец обещал, что в следующем году кровать на дачу увезем.

Любит Ванька деда – сколько на мне напрыгал, сорванец.

– Вона как! – воодушевляется хозяин. – Значит, опять «враг будет разбит – победа будет за нами!» Эх, жизнь... Ладно, пойдем, Паш, а то, действительно, простудимся – возись потом с нами. Видишь, нас, не потерявших память, теперь уже трое – значит, жизнь продолжается. Пойдем...